

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Маг полуночи

Свиток желаний

Третий всадник мрака

Билет на Лысую Гору

Мечь валькирий

Тайная магия Депресняка

Лед и пламя Тартара

Первый эйдос

Светлые крылья для темного стража

Лестница в Эдем

Карта хаоса

Ожерелье дриады

Стеклянный страж

Танец меча

Огненные врата

Книга семи дорог

Ладья света

Ошибка грифона

Самый лучший враг

Глава 1

ПО КРЫШЕ БОСИКОМ

Кто не умеет получать радость от
малого — того не удовлетворишь
и многим.

Книга Света

Май, май! Какое хорошее слово! Пусть не такое многообещающее и дразнящее, как март. Не такое пружинящее надеждами, как апрель. Май — это нечто уже свершившееся. То, что было пульсирующими древесными соками, прорвалось в листья. В гнездах — птенцы. Мартовские котята, этот сгусток абсолютной любви, пищат в коробках. Скатанный в трубку холст жизни спешит развернуться во всю ширь.

Дмитрий Емец

И тут в мае, где-то в середине — в двадцатых числах, неожиданно наступает момент, когда природа на несколько дней замирает. Время останавливается. Все притихает и словно задумывается: а надо ли срываться в лето? За летом неминуемо наступит осень, за осенью — зима. Стоит ли спешить? Не лучше ли повременить здесь и сейчас, в цветущем мае, и остановить мгновение, пока оно прекрасно? Следует ли гнать лошадей, нахлестывая их по взмыленным спинам? Куда гнать? Зачем? Не лучше ли предаться неге и покою? Блаженная, сонливая, радостная тишина опускается на город. Даже комиссионеры с суккубами и те затихают, перестают мельтешить и злобствовать, понимая, что не их сейчас дни. Нечего ловить, некого подсиживать.

И вот в эти благостные числа мая Дафна и Мефодий сидели на плоской крыше многоэтажного дома недалеко от Чистых прудов. Вдвоем. Стальные полосы, приваренные изнутри к двери, давали стопроцентную гарантию, что их не потревожат. Полосы Мефодий приварил взглядом, не используя ни перстень, ни силу дарха. Невероятно для мага и почти невероятно для стража.

Теперь Мефу было уже пятнадцать лет, даже пятнадцать с хвостиком. Он сильно рванул вперед. Научился, хотя и не всегда, контролировать свою силу. Годы напряженных занятий и еже-

дневные понукания руны школяра принесли результат.

Сидеть так, на прогретой крыше, было приятно. Свежеиспеченное блинное солнце надувало щеки, щедро исторгая жар. Оно было похоже на купчиху и, стыдясь своего пышущего кустодиевского здоровья, стыдливо натягивало на нос белые ватные одеяла облаков. «А то еще сглазят! Ну вас всех!» — думало оно.

Босая Даф радостно шевелила пальцами ног. Какое все-таки удовольствие — сбросить туфли, когда есть такая возможность! Дафна любовалась небом. Ее голова лежала на коленях у Мефодия. Меф то и дело наклонялся, чтобы поцеловать ее. Даф, мешая ему, надувала щеки.

— Тебя что, совсем не занимает природа? — дразнила она.

— В данный момент нет, — отвечал Меф.

— Эй, наследник темной конторы, ты закрываешь мне солнце! Брысь, Македонский, отойди от бочки!

— Ты что, Диоген?

— Нет. Просто я соскучилась по свету. Зимой солнца не было. Так, какое-то издевательство на заданную тему!

— Слушай, а глаза у тебя не болят? Не слезятся? — спросил вдруг Меф.

Дмитрий Емец

— А почему они должны болеть? — удивилась Дафна.

— Ну как! Ты смотришь на солнце не шурясь. Я бы так не смог.

Даф поняла и засмеялась:

— Ты что, не знал? Это свойство всех светлых стражей.

Ветер унес последние клочки облаков. Теперь солнце сверкало на обшитых новой жестью бортах, по которым, задрав хвост и брезгливо поглядывая вниз, прогуливался Депресняк. Вид у кота был меланхолический. Март и апрель он провел насыщенно. У него стало на семьдесят котят и на четыре шрама больше. Впрочем, как мужчину шрамы Депресняка только украсили. Да и вообще, говоря объективно, в плане внешнего вида Депресняку мог повредить только выстрел из танкового орудия с очень близкого расстояния. Все остальное лишь прибавило бы ему шарма.

Пахло смолой, которой обычно покрывают крыши, расплавляя ее гудящими горелками. Меф отколупнул кусок смолы, рассмотрел, хмыкнул, скатал в шарик и осторожно попробовал на зуб:

— Жвачка для семейных бережливых людей. Дешево и сердито. Раздается бесплатно, упаковками по сорок метров. Не хочешь попробовать?

Даф отказалась. Меф не стал настаивать.

— И правильно, — одобрил он. — Между нами, дрянь страшная.

— Ты уверен, что она не ядовита?

Меф дернул плечом:

— А шут ее знает! Статистика не ведется. Хотя ко мне сейчас ни одна зараза не пристанет. Я слишком счастлив.

Даф поспешно зажала ему рот:

— Тш-ш! Молчи! Это-то и плохо, что счастлив!

— Почему? — удивился Меф.

— Ни одно эгоистическое счастье не может продлиться долго, если оно полное. Счастье — это пиковое состояние. Все равно что стоять на вершине горы на площадке шириной в ладонь. Долго не прстоишь — ветер сорвет.

Меф задумался. Рассуждения Даф ему не нравились. Для него они были слишком фатальными и замумными. И любят же эти девушки все усложнять!

— Ну и что ты предлагаешь? — спросил он.

Даф замотала головой:

— Говорить не буду. Лучше напишу.

Она нашла гвоздь и нацарапала что-то на разогретой смоле. Почерк у нее был немного угловатый с высокими узкими буквами:

Единственное условие для счастья — не желать его для себя лично.

Счастье — в самоограничении.

Дмитрий Емец

Меф, хмыкнув, заметил:

— Ты рассуждаешь почти как валькирия.

— Ничего удивительного. Валькирии тоже служат Свету.

— А если я все же хочу немного личного счастья? Вот так вот просто хочу, и все?

Даф вновь взяла в руки гвоздь и дописала:

Любое личное счастье стоит воспринимать как подарок судьбы.

— А почему не вслух? — спросил Меф, с интересом следя за движениями гвоздя.

*Всякое слово, высказанное вслух, теряет силу.
Будь трепетен и осторожен.*

К концу этой фразы Дафна устала царапать гвоздем, и ей волей-неволей пришлось перейти на слова.

— Главное — не желать чего-то слишком сильно. Там, где человек перегорает, он выбивается из сил. Ровное спокойное горение — вот то, что приносит результат. Ожидать надо спокойно, сохраняя внутренний жар. Радость — это состояние света и покоя, а не буйства.

Меф встал, потянулся. Весенние силы распирали его.

— А слабо хотеть — вообще ничего не получишь. Я люблю искры и вспышки. Чтобы все падало и взрывалось.

Он подбежал к краю крыши и, повинувшись порыву, встал на руки. Согнутые в коленях ноги повисли над бездной.

— Вот как я тебя люблю! Эй, вы, Мрак и Свет, слушайте! Слушайте, старые мудрецы, высохшие над книгами! Слушайте и смотрите, как я люблю Дафну!

Депресняк подошел и, поглядывая вниз, стал тереться о руку Мефа. Он явно поощрял Буслаева свалиться и порадовать скучающего котика новыми впечатлениями. Дафна бросилась оттаскивать Мефа.

— Буслаев, ты сумасшедший! — сердито заявила она.

— Тэ-пять! — сказал Мефодий.

— Что за «Тэ-пять»? — заинтересовалась Даф.

— «Тип пять» — девушки, которые называют мужчину по фамилии.

— Чего?

— Классификация Эди Хаврона. Он вечно что-то такое изобретает. Девушки бывают нескольких типов. Тэ-один чаще всего зовет своего молчела по имени: «Вася», «Дима», «Боря». Это нейтральные нормальные девушки, любящие собак и горький

Дмитрий Емец

шоколад. Клинического психолога этот тип не заинтересует.

— А если «Васька», «Сережка», «Борька»?

— Это тот же Тэ-один, но когда он чуть-чуть сердит или, напротив, в игривом настроении. Немного опаснее модификация Тэ-один, которая говорит «Сергега», «Василий», «Борис». Это деловые серьезные девушки с отличной хваткой. Возможно, они и сентиментальны, но хорошо держат дистанцию и выносливы в бою.

— А Тэ-два?

— Девушки Тэ-два говорят «пусик, дусик, зайчик». Эти болтливы, нежны, неплохо готовят и со временем становятся хорошими матерями для девочек. Правда, есть еще вариация Тэ-два, которая говорит «мой» или «мой муж». Это, по словам Эди, скучные и унылые потребительницы с большими запросами. Пользы от них нуль.

Даф фыркнула, представив себе Хаврона, который, скользя с подносом между столиками дамского кафе, высматривает интересные типажи.

— А Тэ-три? — спросила она.

— Тэ-три зовет спутника по имени-отчеству: «Аркадий Николаич», «Петр Сергеич». Хороший уважительный вариант для третьего брака, но большой страсти тут не светит... Тэ-четыре используют клички и прозвища: «Огурец», «Сержант», «Лысый» и так далее. С этими девушками непло-

хо ходить на секцию фехтования или выбираться в горы. Они тащат свои рюкзаки сами и не ноют, что натерли ноги. Хорошие мамы для мальчиков.

— М-да! Я и не знала, что Эдя думает о продолжении рода. Мне казалось, он морально незрелый, — обрадовалась за Хаврона Даф.

— Эдя очень даже зрелый. Ты его просто неправильно понимаешь. Лет через десять из него сформируется ужасно правильный зануда, — сказал Меф.

— Так что у нас с Тэ-пять? Девушки, которые называют по фамилии?

— Это прекрасные девушки. Самые лучшие. Они обычно самостоятельны, или скорее хотят выглядеть самостоятельными. На деле же они очень ранимы. Причем не так, как твой Депресняк — в упор из пулемета, а на самом деле. Их нужно беречь, — осторожно сказал Меф.

Даф взглянула на него с недоверием:

— И это все? Хочешь сказать, что Эдя воздержался от гадостей в адрес Тэ-пять? На него это не похоже.

— А вот и воздержался.

— Поклянись!

— Клянусь мамой Тухломона! — сказал Меф, и оба захохотали.

Мифическая мама Тухломона была им обоим хорошо известна. Они представляли ее себе

Дмитрий Емец

в мельчайших деталях — этакая расплывшаяся плаксивая дама с подвязанными зубами, которая вечно лжет, подводит карандашиком бровки, обо- жает примерять чужие вещи, ворует из ресторанов посуду, а в гостях незаметно пересыпает из чужих кошельков мелочь. Кроме того, она жуткая сутя- га. Гавкнет, к примеру, соседская собака в подъ- езде — она сразу подает иск о причинении ей мо- рального и физического ущерба на десять тысяч долларов. Приложения — свидетельство дворни- ка Зайкина, что собаки умеют лаять, и справка от врача ухо-горло-нос об обращении с жалобой на слух.

Сыночек Тухломоша сам наверняка побаивает- ся свою мамашу и при встречах осторожно целует ее в пяти сантиметрах от щеки. Даф с Мефом даже подумывали, не попросить ли Чимоданова выле- пить оживающую модель мамашы из пластилина. Технически это было выполнимо.

Неожиданно Депресняк выгнул спину и за- шипел. В воздухе возникло полупрозрачное лицо Улиты. Дистанционный вызов. Меф знал, что Ули- та их сейчас не видит, но может слышать.

— Эй, вы! Улизнули и рады? А трудиться кто будет? Я тут вязну в бумагах, — заявила ведьма.

Мефодий покосился на Дафну. Та поднесла па- лец к губам. Однако Улиту невозможно было оду- рачить.

— Чего молчите? Не придуривайтесь! — нетерпеливо повторила она.

— Припряги Чимоданова! — посоветовал Меф.

— Чемодан и так загружен. Он порет суккубов. Судя по воплям, очень старательно.

— Тогда Нату! — сказала Даф.

— Нату я засадила писать программу продвижения легких наркотиков на второе полугодие. Скрытая реклама, тематические бренды, создание молодежной моды и так далее. Канцелярия уже бесится. Мы все сроки завалили.

— Нату? Писать продвижение? Да она все из Интернета сдует! Даже шрифты не поменяет... Помнишь, какую лажу мы отослали по пропаганде лжи и насилия? Суккубы и те ржали, — возмутился Меф.

Ведьма особо не спорила. Ей было плевать.

— Не нравится — пиши сам. Или пусть Даф пишет.

Даф писать отказалась и спросила, что делает Мошкин.

— Евгешу я послала наказывать комиссионеров, но что-то там подозрительно тихо. Сдается мне, что они задурили ему голову, — сказала Улита, озабоченно оглядываясь.

На самом деле она оглянулась, конечно, в Канцелярии, но, казалось, будто ее огромное прозрач-

